Слово редактора-составителя

Андрей Олейников

Политика времени

«Прошлое не бывает мертво. А это даже не прошлое»

Уильям Фолкнер

«История существует лишь постольку, поскольку люди „не похожи“ на свое время, поскольку они действуют в разрыве со „своим“ временем»

Жак Рансьер

Способность ясно различать настоящее и прошлое обычно по умолчанию вменяется историкам, равно как и всем прочим «здравомыслящим» людям. Многим до сих пор нравится думать, что историческое прошлое возникает само по себе «с течением времени» — так же естественно, как осень сменяет лето, взрослая жизнь — юность. Однако для современной гуманитарной теории эта конвенция не выглядит само собой разумеющейся. Благодаря исследованиям памяти о травматических событиях XX века появилось понятие «неотступного прошлого» (haunting past), которое преследует ныне живущие поколения, несмотря на то, что сами эти события считаются давно прошедшими. Стало труднее определять критерии, позволяющие говорить о завершенности предшествующего исторического периода и начале нового. Границы между прошлым и настоящим постоянно перечерчиваются, виной чему нередко выступает политика современных государств, учреждающих новые памятные даты и издающих т.н. «мемориальные законы». По-видимому, мы стоим на пороге принципиального переопределения политического измерения в занятии историей. Не исключено, что мера «давности» (pastness), отдаленности тех или иных истори-

Олейников Андрей Андреевич — кандидат философских наук, доцент РГГУ/РАНХиГС. Научные интересы: политическая теория, теория истории, интеллектуальная история, философия образования. E-mail: andrey.oleinikov@gmail.com
Andrey Oleynikov — Associate Professor The Russian State University for the Humanities/The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: political theory, theory of history, intellectual history, philosophy of education. E-mail: andrey.oleinikov@gmail.com

ческих событий от нашего настоящего будет определяться силой политической воли, заинтересованной в их реактуализации[1]. Вероятно, уже пора перестать обуславливать возможность изучения истории ее объективной «давностью». Сама идея прошлого нуждается в переосмыслении. Ведь, например, в античности, как демонстрирует в своей недавней работе американский историк Захари Шиффман [Schiffman, 2011], историография вовсе обходилась без нее. Тем интереснее сегодня разбираться с содержанием понятия «анахронизм». Уже не воспринимаясь в качестве досадной ошибки, свидетельствующей о недостаточном профессионализме конкретного историка, сегодня анахронизм все чаще претендует на роль конститутивного элемента исторического сознания и, по мысли Джорджа Агамбена [Агамбен, 2014], представляет собой важнейший способ понимания нашей современности.

Заявляя темой нашего номера «политику времени», а не, скажем, «политику истории», мы хотим дать понять, что интересующие нас вопросы не сводятся к инструментальному употреблению истории в текущих политических баталиях, и если они иногда выходят на предметные области т.н. «исторической политики» и «публичной истории», то касаются их скорее непреднамеренно и не напрямую. Интересующая нас проблематика складывается на пересечении двух соперничающих направлений современной критической мысли — марксистской и постколониальной. Йоханнес Фабиан, немецкий антрополог с отчетливым марксистским бэкграундом (что не помешало ему оказать большое влияние на Гаятри Спивак), был в числе первых[2], кто стал использовать выражение «политика времени» терминологически. В предисловии к своей самой известной книге «Время и другой» (1983)[3] он пишет:

> «Я хочу исследовать прошлые и настоящие виды употребления времени как способы конструирования объекта нашей дисциплины. Если верно то, что время входит в политическую экономию отношений между индивидами, классами и нациями, тогда конструкция объекта антропологии посредством темпоральных понятий и схем является

1 Как тут не вспомнить о жутковатом предложении «подумать над возможностью предоставить избирательное право 27 млн. советских граждан, погибших в ходе Великой Отечественной войны», с которым выступил недавно директор Института экономических стратегий РАН Александр Агеев на конференции «Вера и дела: социальная ответственность бизнеса во время кризиса», прошедшей в Александро-Невской лавре. См.: http://www.fontanka.ru/2016/05/20/093/

2 Самой первой, видимо, была работа [Reid, 1972].

3 Вначале она носила рабочее название «Антропология и политика времени».

политическим актом; тогда существует «политика времени» [Fabian, 2002 [1983] xxxviii].

Не считая туземных информантов своими современниками, антрополог отказывает им в том, что Фабиан называет *coevalness* — «равенством во времени». Создавая свой рассказ, он располагает их в другом времени, и этот акт темпорального дистанцирования — *аллохронизм* — пронизывает весь антропологический дискурс. Почему важно преодолеть это темпоральное неравенство и как можно это сделать? — об этом рассуждает Фабиан в заключительной части книги, перевод которой мы публикуем в этом номере.

Другой важный пример концептуализации политики времени дает нам работа британского марксистского философа Питера Осборна «Политика времени: модерность и авангард», вышедшая в 1995 г. [Osborne, 1995]. Сложная по композиции, а по масштабу охваченной проблематики сопоставимая с известным трехтомником Поля Рикера «Время и рассказ»[1], эта выдающаяся работа заслуживает отдельного и очень обстоятельного разговора, который нам придется отложить до лучших времен. Здесь достаточно будет сказать, что в центре внимания Осборна оказывается идея модерности, которую он понимает как «форму исторического времени, придающую ценность новому в виде продукта непрерывно отрицающей себя темпоральной динамики» [Osborne, 1995, xii]. Такое видение модерности сформировалось у Осборна под влиянием Райнхарта Козеллека, писавшего, что с середины XVIII века время перестает быть средой, в которой разворачивается история, и само начинает производить историю. Перевод ключевого текста Козеллека о происхождении исторического времени модерна из разрыва между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий» вы также найдете в нашем номере.

Чрезвычайно интересный и по-хорошему провокативный взгляд на политику времени из перспективы *postcolonial studies* предлагает американская исследовательница Кэтлин Дэвис в книге «Периодизация и суверенность: как идеи феодализма и секуляризации управляют политикой времени» (2008). И хотя эта работа не вошла в наш блок переводов, мне не хотелось бы оставлять ее без упоминания ввиду необычайной важности сформулированной в ней проблемы. Дэвис ставит под сомнение то, что Фабиан, Козеллек, а также, по-видимому, Осборн образца 1995 г. еще принимали за чистую монету — естественный, произошедший в силу сугубо историче-

1 Нам остается только посетовать, что эта работа, равно как и третий том «Времени и рассказа» Рикера [Ricoeur, 1985], до сих пор не переведены на русский язык.

ских причин разрыв между Средневековьем и Новым временем. Для подавляющего большинства историков качественное различие между этими эпохами не нуждается в специальном обосновании или подтверждении. Однако Дэвис, очень серьезный медиевист, находит убедительные аргументы, чтобы показать, что это различие возникает исключительно в силу политических причин: идея «Средних веков» появляется ровно тогда, когда начинается европейская колониальная экспансия, расцветает работорговля и возникает теория абсолютистского государства. Европа превращает в свое прошлое то, что находит за своими пределами. «Средние века», «феодализм», по словам Дэвис, становятся «мобильными категориями» и легко применяются к любому обществу, не достигшему модерности, в точном соответствии с той логикой, которую Фабиан описал как *denial of coevalnees* — «отрицание равенства во времени».

Специально написанная для нашего номера статья молодого, но уже достаточно известного бельгийского теоретика истории Бербера Бевернажа содержит очень подробный критический анализ книги Фабиана, но этим не ограничивается. В поисках более совершенной модели политики времени (поскольку он считает слишком метафизичной ту, что встречает у Фабиана) Бевернаж обращается к работам Эрнста Блоха и Луи Альтюссера, но наилучшее понимание того, что представляет собой современность, находит в недавних текстах Осборна. Представляя нашим читателям Бевернажа[1], не могу не сказать о замечательной коллективной монографии «Раскалывая время: переговоры о границах между настоящим, прошлым и будущим» [Lorenz, Bevernage, 2013], вышедшей под совместной редакцией Бевернажа и его голландского коллеги Криса Лоренца, поскольку она имеет самое непосредственное отношение к теме номера. Повторю здесь коротко то, о чем подробнее мне доводилось говорить в другом месте [Олейников, 2014] . На мой взгляд, на сегодняшний день эта работа представляет собой самую решительную и фундированную попытку отключить «естественную установку» в понимании природы различия между прошлым и настоящим.

Жак Рансьер, насколько мне известно, никогда не пользовался термином «политика времени» в том значении, в каком его используют названные выше авторы. Его статья в нашем номере посвящена анахронизму. Но кто мог бы сказать, что анахронизм не является примером политического употребления времени? Сомневающихся я хотел бы отослать к работе американского интеллектуально-

1 Бевернаж успел зарекомендовать себя не только как видный исследователь, но и как организатор весьма продуктивного международного научного сообщества *International Network for Theory of History*: http://www.inth.ugent.be/

го историка Константина Фазолта «Границы истории», в которой он показывает, что анахронизм является политическим изобретением, сделанным религиозными реформаторами и гуманистами в их борьбе с папством и Священной Римской империей. С его помощью они могли, в частности, оспаривать знаменитый принцип *translatio imperii*. А вместе с анахронизмом на свет появилась идея онтологической несовместимости порядков прошлого и настоящего, которая сегодня подвергается серьезной критике [Бевернаж 2012], но, опять-таки, — с помощью заново осмысленного понятия анахронизма. Так, Жак Деррида в книге «Призраки Маркса» [Деррида, 2006] использует понятие «анахрония», чтобы разоблачить мнимую самодостаточность нашего настоящего, показать, что оно *out of joint* — не равно, не современно самому себе.

Но вернемся к Рансьеру. Публикуемая нами статья была написана вслед за незадолго до этого вышедшей книге «Имена истории» [Rancier, 1992]. В ней Рансьер, полемизируя с историографической школой ревизионистов (во главе с Альфредом Коббаном и Франсуа Фюре), утверждает, что событие Французской революции не поддается полной контекстуализации в исторических реалиях «старого порядка». Стараясь объяснить причины революции из этих реалий, мы по сути убиваем ее событие. В этой же книге он начинает свою заочную полемику с Люсьеном Февром, который считал анахронизмом утверждение о том, что Франсуа Рабле был скрытым атеистом, поскольку, по убеждению Февра, жить во Франции XVI века и быть атеистом было попросту невозможно. Как блестяще показывает в этой статье Рансьер, за изобличением анахронизма таится идея, что время является «подвижным образом вечности». На этой неявной платоновской предпосылке покоится культ исторического контекста, требующий, чтобы люди во всем соответствовали своему времени и «походили на свое время больше, чем они походят на своих отцов» (арабская пословица, которую любил цитировать Марк Блок). В такой логике Иисус мог быть только иудеем своего времени, а Рабле — христианином своего. Поэтому анахронизм — «самый тяжкий грех историка», по выражению Февра, — должен быть исключен так же, как господствующее вероучение исключает ересь. Однако у такой логики имеются свои серьезные издержки. Она не в состоянии объяснять, откуда берутся исторические события, и поощряет негационизм. «Анахронизма не существует, — заключает свой анализ Рансьер. — Но существует множество связей, которые мы можем, оценив положительно, назвать анахрониями».

Игорь Кобылин, чьей статьей открывается теоретический раздел номера, продолжая тему, заданную работой Рансьера, ставит вопрос о совместимости критического потенциала анахронизма

с перспективой политемпоральной онтологии, которая возникает в ходе критики линейного времени модерна. Ответ на этот вопрос автор предлагает искать в текстах Жиля Делеза и в их «топологическом» прочтении, которое предлагает Мануэль Де Ланда.

Илья Будрайтскис исследует семантику знаменитой метафоры «старого крота» из «18 брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса, символизирующую непрерывное, но невидимое при свете дня движение истории. Как показывает автор, сегодня это метафора может отсылать нас также к «мессианскому времени» Вальтера Беньямина, представляющему собой одновременно незавершенное прошлое и неполное настоящее, «связь между которыми выражается через смещение, дисгармонию и анахроничность».

Евгений Савицкий изучает место анахронизмов в американском «новом медиевализме» и находит, что в сравнении с представителями третьего поколения школы «Анналов», оказавших большое влияние на формирование этого предметного поля, исследователи, работающие в нем, демонстрируют большую чуткость к проблеме различия между прошлым и настоящим, чем их «учителя».

Статья Артема Маслова, наверное, больше, чем все остальные тексты нашего номера, ориентирована на академических историков-медиевистов. Но несомненно и то, что ее содержание представляет интерес для широкой аудитории гуманитариев, поскольку речь в ней идет о том, как в Средние века создавались «правдивые» истории о Троянской войне, написанные якобы на основании свидетельств ее непосредственных участников.

Федор Николаи исследует культуру воспоминаний об участии в военных конфликтах и парадоксы темпорального опыта, стоящего за ними. Понятие анахронизма, на взгляд автора, может иметь определенный эвристический смысл в современных исследованиях по военной антропологии.

В заключение хочу выразить благодарность Государственному Центру современного искусства «Арсенал» в Нижнем Новгороде, организовавшему в 2012-2015 гг. серию конференций, которые помогли мне и моим коллегам-авторам этого номера осознать родство наших научных интересов.

Библиография

Агамбен Дж. (2014) *Нагота*, М.: ООО «Издательство Грюндриссе».

Деррида Ж. (2006) *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал*, М.: Logos-Altera.

Бевернаж Б. (2012) Время, присутствие и историческая несправедливость. http://gefter.ru/archive/5835

Олейников А. (2014) Откуда берется прошлое? (Апология анахронизма). *Новое литературное обозрение*, (126): 337-344.

Lorenz C., Bevernage B (2013) Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future Gottingen; Bristol (CT): Vandenhoeck &Ruprecht, 2013.

Fabian J. (2002 [1983]) *Time and the Other. How anthropology makes its object.* New York, Columbia University Press.

Davis K. (2008) Periodization and sovereignty: How ideas of feudalism and secularization govern the politics of time. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Fasolt C. (2004) *The Limits of History.* Chicago: University of Chicago Press.

Osborn P (1995). *Politics of Time: Modernity and Avant-Garde.* L.: Verso.

Rancière J. (1992) *Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir. P.: Le Seuil.*

Reid Herbert G. (1972) The Politics of Time: Conflicting Philosophical Perspectives and Trends. *The Human Context* 4:456– 483.

Ricoeur P. (1985) *Temps et récit. Tome III : Le temps raconté*, P.; Le Seui.

Schiffman Z.S. (2011) *The Birth Of The Past.* Baltimore: The Johns Hopkins UP.

References

Agamben Dzh. (2014) *Nagota [Nudity],* M.: OOO «Izdatel'stvo Grjundrisse».

Bevernage, B. (2012) Vremja, prisutstvije i istoricheskaja nespravedlivost [Time, Presence and Historical Injustice] http://gefter.ru/archive/5835

Davis K. (2008) Periodization and sovereignty: How ideas of feudalism and secularization govern the politics of time. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Derrida J. (2006) *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyiy Internatsional [Specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new International],* M.: Logos-Altera.

Fabian J. (2002 [1983]) *Time and the Other. How anthropology makes its object.* New York, Columbia University Press.

Fasolt C. (2004) *The Limits of History.* Chicago: University of Chicago Press.

Lorenz C., Bevernage B (2013) Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future Gottingen;Bristol (CT): Vandenhoeck &Ruprecht, 2013.

Oleynikov A. (2014) Otkuda beretsja proshloe? (Apologija anahronizma) [Where is the past from? (Apologia of anachronism)]. *Novoe literaturnoe obozrenie [Russian Studies in Literature],* (126): 337-344.

Osborn P. (1995) *Politics of Time: Modernity and Avant-Garde.* L.: Verso.

Rancière J. (1992) *Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir.* P.: Le Seuil.

Reid Herbert G. (1972) The Politics of Time: Conflicting Philosophical Perspectives and Trends. *The Human Context* 4:456– 483.

Ricoeur P. (1985) *Temps et récit. Tome III : Le temps raconté*, P.; Le Seui.

Schiffman Z.S. (2011) *The Birth Of The Past.* Baltimore: The Johns Hopkins UP.